

Хотя такая болезненность, подобная Линь Дайюй, совсем не соответствовала величественному образу их лидера, Цянь Чэн благоразумно промолчал.

Он почувствовал, что атмосфера в палате была какой-то странной.

Выражение лица их лидера казалось слишком наигранным, а выражение Нин Сяна — чрезмерно подобострастным.

Не покидало ощущение, будто кто-то только что признался в чувствах и был отвергнут.

Но он никак не мог понять, кто же именно потерпел неудачу.

Ладно уж, ему, одинокому псу, не нужно разбираться в таких сложных вопросах.

Цянь Чэн доставил вещи, произнёс несколько вежливых и ничего не значащих фраз и поспешил удалиться.

Он решил оставить время и пространство этой странной паре, чтобы не мешать им своим присутствием.

Соперник исчез, и Нин Сян, слегка обрадовавшись, повернулся к Цзян Чэнхуэю:

— Ты, наверное, проголодался? Что хотел бы поесть?

Цзян Чэнхуэй отрицательно покачал головой, показывая, что у него нет аппетита.

Нин Сян, прикоснувшись к его лбу, обнаружил, что тот сильно горит.

Он тут же позвал ту самую медсестру, которая измерила Цзян Чэнхуэю температуру: 41°C.

Молодая медсестра, испугавшись, вызвала врача, и вскоре были назначены жаропонижающие. После того как Цзян Чэнхуэю сделали укол и поставили капельницу, его температура наконец начала снижаться.

Когда медсестра снова измерила температуру и увидела, что она упала до 38°C, она облегчённо вздохнула. Подняв голову, она хотела что-то сказать, но внезапно покраснела и, запинаясь, не смогла вымолвить ни слова.

Когда он проснулся, то выглядел ещё красивее, чем раньше.

Она быстро задала ему несколько вопросов, пристально посмотрела на его имя в истории

болезни и, смутившись, поспешно выбежала из палаты.

К сожалению, оба мужчины в комнате не уловили чувств молодой девушки. Цзян Чэнхуэй продолжал молча смотреть в пустоту, а Нин Сян был полностью поглощён выбором еды на вынос.

Говорят, что при высокой температуре нужно есть кашу, но врач также упомянул, что у Цзян Чэнхуэя наблюдается лёгкое недоедание, и ему необходимо больше белка.

Нин Сян, листая меню, долго колебался, но в итоге заказал две порции каши — простую и с яйцом и свининой, а также два варёных яйца.

Он снова посмотрел на Цзян Чэнхуэя:

— Ты точно ничего не хочешь?

Тот снова покачал головой.

Его обычно холодное лицо теперь было окутано мрачной тенью. Даже за окном, где светило солнце, он словно оставался в центре бури.

Нин Сян, не зная, что сказать, лишь потирал руки, но не мог произнести ни слова утешения — ведь, по логике вещей, он не должен был ничего знать.

Пока они ждали еду, Нин Сян смотрел на Цзян Чэнхуэя, а тот — на свои руки.

Так они и сидели в тишине, наблюдая, как солнце медленно садится за горизонт.

Цзян Чэнхуэй внезапно заговорил:

— В ближайшее время у меня могут возникнуть неприятности. Тебе и Цянь Чэну лучше держаться подальше от меня... После того как уйдёте сегодня, больше не приходите.

Его голос был настолько тихим, что, если бы не прислушаться, можно было бы и не услышать.

Но глаза Нин Сяна сразу загорелись.

Он как раз думал, как начать разговор, а Цзян Чэнхуэй сам подал ему повод.

Неужели это предвестник того, что он готов открыть душу?

Он притворно моргнул и осторожно спросил:

— Что-то случилось? Почему ты так говоришь?

Цзян Чэнхуэй поднял голову и глубоко посмотрел на него, но в его глазах не было ни капли эмоций.

— Я вырос в детском доме, — произнёс он ровным тоном, словно рассказывал о чём-то, что его совсем не касалось. — Моя мать умерла давно, но... тот мужчина всё ещё жив...

Он кратко описал свою историю, не проявляя ни боли, ни печали, ни каких-либо других эмоций.

— Если эта женщина узнает о моём существовании, она точно не оставит меня в покое. Тогда и вы можете пострадать.

Его глаза постепенно холодели, словно озеро, покрывающееся льдом.

Холодное и опасное.

Нин Сян снова моргнул, понимая, что должен показать хоть немного удивления или гнева.

Но перед лицом Цзян Чэнхуэя, похожего на айсберг, он не мог сыграть свою роль.

Тон Цзян Чэнхуэя был настолько равнодушным, что не требовал ни сочувствия, ни гнева.

Подумав, Нин Сян серьёзно спросил:

— И как ты собираешься с ней справиться?

Цзян Чэнхуэй на мгновение замер, и в его глазах промелькнула насмешка.

— Как справиться? У неё есть деньги и власть, а я всего лишь нищий сирота, — в его голосе звучала жестокая, но глубоко укоренившаяся ненависть. — Когда мне надоест жить, может, возьму нож и покончу с ними всеми?

Нин Сян совершенно не испугался его слов.

Его мягкие волосы, ясные глаза и светлая кожа делали его образ доверчивым, когда он смотрел на Цзян Чэнхуэя:

— Нет, я верю, что ты так не поступишь. Ты добьёшься своего способом, который сам одобришь.

Цзян Чэнхуэй почувствовал, как его сердце сжалось.

Ему захотелось обнять этого юношу, прижать к себе, почувствовать его дыхание и биение сердца.

Но он не имел на это права, по крайней мере пока.

Цзян Чэнхуэй сухо рассмеялся:

— Это не так просто. Возможно, я уже потерял работу на стройке.

Нин Сян хотел что-то сказать, но в этот момент пришла еда.

Он повесил трубку и пошёл за заказом. Когда Нин Сян вышел, взгляд Цзян Чэнхуэя последовал за ним, устремившись на пустую дверь, в голове по-прежнему царил хаос.

Нин Сян, спускаясь по лестнице, размышлял о том, что произойдёт дальше.

Цзян Чэнхуэй был прав — эта женщина скоро начнёт его преследовать.

Но из-за определённых опасений она не станет действовать открыто, а лишь лишит его работы на стройке и сорвёт дела в мастерской, а также начнёт присылать мелких хулиганов для постоянных приставаний.

Однако именно её действия дадут Цзян Чэнхуэю шанс взлететь.

Всё это — игра судьбы.

Нин Сян, как человек, уже прошедший через это, чувствовал себя спокойно и уверенно в будущем. Но он понимал, что для Цзян Чэнхуэя, только что пережившего тяжёлый удар, это было не так просто.

Даже зная, что впереди его ждёт успех, он чувствовал напряжение и неуверенность.

Нин Сян знал, что, несмотря на любые трудности, Цзян Чэнхуэй в конце концов поднимется.

Но он боялся, что его вмешательство может внести ненужные перемены в этот путь.

Единственное, что он мог сделать, — это терпеливо ждать, пока эта женщина сама не предоставит возможность.

Только когда наступит подходящий момент, Нин Сян сможет действовать.

Вернувшись с едой, он остановился у двери, стараясь выглядеть бодро, и вошёл в палату.

Он включил свет, и мрак в комнате рассеялся.

Цзян Чэнхуэй по-прежнему полулежал на кровати, его лицо было мрачным.

Нин Сян, не обращая на это внимания, торопливо расставил на кровати маленький столик, достал горячую кашу, два жареных блина и несколько варёных яиц.

Жирные блины, вероятно, не подойдут Цзян Чэнхуэю, поэтому Нин Сян оставил их себе, а кашу и яйца передал ему.

— Ешь пока горячее, ты, наверное, давно ничего не ел.

Цзян Чэнхуэй молчал и не двигался, лишь смотрел на тарелку с белой кашей.

— Э-э... — Нин Сян прочистил горло. — Я, кажется, говорил тебе, что моя мама тоже умерла, когда я был маленьким.

— Мне тогда не было и года, я даже не помню, как она выглядела, — Нин Сян опустил голову, тыкая палочками в блин. — Отец не бросил меня, у него были деньги, но мачеха оказалась очень хлопотной.

Цзян Чэнхуэй медленно поднял голову.

— Она меня не любила, хотя никогда этого не показывала, но я это чувствовал.

<http://bllate.org/book/15200/1341850>